

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОМУЗЫКОЛОГИИ

ISSUES OF ETHNOMUSICOLOGY

М. В. Бочкарёва, Е. М. Смирнова

Песенная традиция закамских удмуртов (по результатам полевых экспедиций 2017–2018 годов)

Аннотация

В статье осуществляется характеристика песенной системы закамских удмуртов — локальной группы удмуртов, проживающих на северо-западе Башкортостана. Её стилевая и стадильная неоднородность, определяемая взаимодействием этнически характерной и заимствованной (прежде всего, крышенской) составляющих, является фактором, определяющим основной ракурс рассмотрения материала. Изучению подлежат образцы, записанные в фольклорных экспедициях Казанской государственной консерватории 2017–2018 годов в сёлах Татышлинского и Янаульского районов Республики Башкортостан.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, народная песня, закамские удмурты, интонационный генезис, стилевые пласты.

М. V. Bochkareva, E. M. Smirnova

Song tradition of the Zakamye Region Udmurts (based on the results of field expeditions 2017–2018)

Summary

According to the prevailing point of view, the musical language of the Udmurts of the northwestern regions of Bashkortostan has undergone intensive Turkization. The proposed consideration of the tunes of the Zakamye Udmurts makes it possible to clarify the provisions of the existing concept. In particular, the authors differentiate those components of the song tradition that have different ethnic origins. This turns out to be important due to the fact that the Zakamye Udmurts are immigrants from other areas of the Kama region. The authors' conclusions are based on the analysis of melodic and syllabic-rhythmic structures of Udmurt tunes from different regions, in particular, of Zakamye and Vyatka. It is also important to analyze the tunes of the Kryashen Tatars, whose culture had a significant impact on the song tradition of the Zakamye Region Udmurts.

Keywords: Udmurt folklore, folk song, the Udmurts of Zakamie Region, genesis of melodic style, folk song styles.

Статья поступила: 17.09.2020.

З акамские удмурты (*Кам съӧр удмуртъёс*) — локальная группа удмуртов, проживающая в северо-западных районах Республики Башкортостан и на юге Пермского края. Являясь переселенцами южных удмуртов (их миграция с мест традиционного расселения происходила на протяжении XVI — XIX веков), закамские удмурты образуют большую диаспору. Оторванность от коренной этнической территории, сохранение традиционной этнической религии — Инмарлы оскон (веру в Инмара), длительное существование в иноэтническом окружении стали залогом формирования их самобытной культуры. Будучи объектом изучения этнографов, диалектологов, историков, религиоведов (см.: [2, 3, 4, 5; 7, 8; 9; 15] и др.), в поле зрения этномузкологов последняя до сих пор не попадала. В нотографических источниках музыкально-поэтический фольклор завятских удмуртов не представлен, публикации, посвящённые изучению их песенной традиции, отсутствуют. Понятно, что в данной ситуации любая попытка приблизиться к пониманию специфики данной локальной песенной культуры является более чем актуальной — тем более сегодня, когда традиционная песня с каждым годом становится явлением всё более и более редким.

Настоящая статья представляет собой характеристику песенной традиции закамских удмуртов, расселённых в Татышлинском и Янаульском районах Республики Башкортостан (ранее — Белебеевский уезд Уфимской губернии). Материалом изучения служат образцы, собранные в фольклорных экспедициях 2017–2018 годов, организованных Кабинетом музыки народов Поволжья Казанской государственной консерватории имени Н. Г. Жиганова. В процессе экспедиций обследовано 17 населённых пунктов: д. Алга, д. Арибаш, д. Бигинеево, д. Верхнебалтачево, д. Вязовка, д. Дубовка, д. Майск, д. Малая Бальзуга, д. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы, д. Пе-

тропавловка, д. Старый Кызыл-Яр, д. Таныповка, д. Уразгильды Татышлинского района, д. Каймашабаш, д. Старый Варяш, с. Шудек Янаульского района.

В составе закамских удмуртов исследователи выделяют четыре основные подгруппы — татышлинскую, буйскотаныпскую, ташкичинскую и канлинскую. Выделенный для изучения ареал является местом расселения двух подгрупп закамских удмуртов — татышлинской (Татышлинский район) и таныпской (Янаульский район). Разговаривают они на периферийно-южном диалекте южноудмуртского наречия удмуртского языка, близком языку кукморских удмуртов (удмуртов Кукморского района Татарстана). Исследователи считают, что, несмотря на принадлежность к различным этническим подгруппам, татышлинские и таныпские удмурты (так же, как закамская этнографическая группа удмуртов в целом) характеризуются общностью традиционной культуры — материальной и духовной. В большой степени это обусловлено их общим историческим происхождением: закамские удмурты сформировались в результате миграции преимущественно завятских (арских) удмуртов, которые, как было указано выше, мигрировали на башкирские земли, начиная с XVI века.

По свидетельству историков, Янаульский и Татышлинский районы являются местом ранних удмуртских поселений. Так, история деревни Старый Варяш Янаульского района восходит к 1627 году: именно этим годом датируются документы на землю, пожалованную удмуртским первопоселенцам. Удмурты деревень Балтачево и Калмиярово были припущены на свои земли («в вечное и потомственное владение») башкирами Уфатаныпской волости по договору 1670 года. Договор на припуск удмуртов д. Тетиш (ныне д. Верхние Татышлы Татышлинского района) датирован 1703 годом. Переписные книги I народной ревизии (последняя датируется 1719 годом) упоминают следующие

населённые пункты татышлинских удмуртов: д. Бегенеево, д. Красный Яр (Кызыл Яр), с. Верхние Танышлы, д. Малая Бальзюга (см. об этом: [1, 15]).

В течение нескольких столетий северная Башкирия является зоной интенсивных межэтнических контактов, повлиявших на национальное самосознание и все стороны материальной и духовной культуры населяющих его народов. Переселившись на башкирские земли, закамские удмурты оказались в плотном интонациональном окружении исповедующих ислам башкир и татар, православных кряшен, чувашей и русских, а также марийцев, в данном регионе в большинстве случаев являющихся язычниками. Тесное соседство и закономерные экономические и культурные контакты с народами региона не могли не сказаться на особенностях традиционной культуры закамских удмуртов. Вплоть до сегодняшнего дня, однако, они сохранили традиционную удмуртскую религию, называя себя *чын удмуртьёс* (истинными удмуртами). Закамские удмурты не подверглись христианизации, избежав даже формального крещения; их традиционные религиозные обряды и верования имеют древнейшие корни. (Любопытно, что в Удмуртии традиционная религия оказалась вытесненной православием; так, по данным социологических опросов, её приверженцами назвали себя всего 4 % удмуртского населения — см. об этом: [15. С. 3].) В несколько ином положении находится песенная культура закамских удмуртов.

В жанровом отношении песенный комплекс закамских удмуртов предстаёт явлением многосоставным, по своей структуре мало отличающимся от жанровых комплексов, представленных в традиции завятских удмуртов, расселённых на своих на коренных землях. Так, у закамских удмуртов бытуют календарные песни, семейно-родовые песни (свадебные, связанные с рождением ребёнка, похоронно-поминальные, гостевые, рекрутские), лирические, игровые песни. Так же, как у завятских удмуртов, песенная система закамских удмуртов предстаёт в виде сочетания двух раз-

ностилевых пластов: пласта этнически характерного, архаичного, и пласта заимствованного, иноэтнического. Однако масштаб каждого из этих пластов, равно как и их наполнение, у каждой из традиций оказываются во многом индивидуальными.

Этнически характерный компонент музыкально-поэтической традиции закамских удмуртов. Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с песенным комплексом удмуртов, расселённых в Башкирии, — явная количественная диспропорция архаичного, этнически характерного и заимствованного пластов. Из более чем 100 песен, зафиксированных в экспедициях, первый представляют только 8 образцов. Все они приурочены к конкретным праздникам или событиям и ограничены рамками календарного и свадебного жанров.

Календарные песни сегодня являются большой редкостью. Как правило, сведения об обрядовой культуре, зафиксированные в проводимых сегодня фольклорно-этнографических экспедициях, большей частью фиксируются на основе воспоминаний старожилов — воспоминаний о том, как было «когда-то» и что сейчас уже утрачено. В этой ситуации «добываемая» информация сводится к информации о сценарии праздника (обряда), что касается его музыкально-поэтического компонента, то он, как правило, оказывается забыт. Другой, более благополучный вариант — сохранность редких, единичных образцов календарной песенности, в которых, однако, архаичным оказывается лишь поэтический текст, тогда как напев, на который он распевается, берётся из тех, что попадает «под руку» — а попадает большей частью в таких случаях напевы позднего слоя, интонационно не связанные с календарём и не только обслуживающие поэтические тексты разных жанров, но и бытующие в разных локально-территориальных группах народа.

Сказанному соответствует мнение И. М. Нуриевой, считающей, что у закамских удмуртов наблюдается «почти полное отсутствие календарных обрядовых напевов» [См.: 12. С. 7].

Материалы экспедиций в Татышлинский и Янаульский районы Башкортостана свидетельствуют о том, что это не так. Безусловно, удельный вес календарных песен, записанных у удмуртов северо-западной Башкирии, много меньше, чем у удмуртов завятских, однако говорить об их «полном отсутствии» не приходится. Не лишним вспомнить и тот факт, что выводы И. М. Нуриевой сделаны два десятилетия назад; для традиционной культуры — особенно в настоящее время, когда родовой уклад жизни фактически искоренён, — это громадный срок. С большой степенью вероятности можно предположить, что раньше обрядовых напевов у закамских удмуртов бытовало гораздо больше.

В процессе экспедиционной работы было зафиксировано 7 календарных песен (две из них фигурируют в двух вариантах). Жанры песен разнообразны, в их число входят: песня, исполняемая во время отбеливания домотканного полотна весной (см. пример 1), песни, приуроченные к Великому дню (см. примеры 2–4), масленичная песня.

Как уже было сказано, расселённые на севере и северо-западе Башкирии удмуртские переселенцы находятся под сильным влиянием интонационной (в первую очередь, татарской) музыкально-поэтической культуры — так, что многие бытующие в их песенной традиции жанры полностью утратили этнический интонационный материал. Календарные песни в данном случае являются едва ли не абсолютным исключением¹: языческие обряды, предполагающие обращение к высшим силам и включающие в себя моление — вряд ли могут допустить в свою структуру чужеродные компоненты. И они его, действительно, не допускают, тем самым закрывая календарный песенный комплекс для иноэтнических влияний.

Сказанное, по всей видимости, может служить объяснением тому, что зафиксированные у закамских удмуртов календарные песни находятся в прекрасной сохранности. Это в равной степени относится как к их поэтическим

текстам, так и к напевам. Поэтический текст зачастую является развёрнутым, включает в себя три или четыре строфы, причём ни одна из них не является случайной — все они отмечены соответствующей приуроченностью². Такой же цельностью, системной упорядоченностью отмечен и музыкальный компонент календарных песен.

Все приуроченные к календарю поэтические тексты распеваются на пять напевов, при этом масленичная песня, как уже говорилось, поётся на заимствованный — татарский — напев; её мы оставим в стороне. Четыре оставшиеся напева (весенний напев отбеливания полотна и напевы Великого дня) по своим характеристикам (прежде всего, звуковысотным) оказываются идентичны типовым напевам, бытующим в традиции завятских удмуртов. Это означает, во-первых, что напевы привезены закамскими переселенцами с мест их коренного расселения — в отличие от иного интонационного материала, бытующего в их традиции, а во-вторых, имеют безусловно архаичную природу. Так, в монографии, посвящённой обрядовой культуре завятских удмуртов, И. М. Нуриева пишет: «Большая часть песен имеет в своей основе большетерцовый трихорд и его производные ($g a h$, $e g a h d'$, $d g a h d' e'$), меньшая часть — трихорд в кварте и его производные ($d e g$, $h d e g a$, $d e g a h$). Производные виды звукорядов образуются путём прибавления сверху и/или снизу звуков в рамках бесполутоновой системы. Нижний звук шкалы звукоряда-основы является конечным устоем в напеве и главным опорным звуком лада» [12. С. 147]. Рассматриваемые нами образцы полностью (!) укладываются в приведённую характеристику. Приведём ладо-звукорядные формы календарных напевов (см. табл. 1).

Для наглядности приведенных наблюдений представим напевы закамских удмуртов в сопоставлении с однотипными напевами удмуртов завятских; такого рода сопоставление не оставляет сомнений в преемственности традиций⁴.

Таблица 1

№ п/п	Название песни	Ладовый звукоряд
1	«Тулывсуиз, дэрануим» (пример 1)	$d - e - g - a - h^3$
2	«Верба кисьтыр» (пример 3)	$e - g - a - h$
3	«Верба кисьтыр» (пример 5)	$g - a - h - d^1$
4	«Возьмам но возьмам быдзынналэз» (пример 7)	$g - a - h - d^1 - e^1$
5	«Возьмам но возьмам, ай, быдзынналэз» (пример 9)	$d - e - g - a - h - d^1$

1 «Тулывсуиз, дэра куйм»⁵

$\bullet = 118$

1. Ту_ лыс вуй_ из, дэ_ ра куй_ им,
гу_ жа_ ты_ ны воль_ ды_ лим.

2 «Семьк сям» [Нуриева, № 76]

$\bullet = 80$

1. Чал_ ма с'ас'_ ка но би_ ча тэк кь'_ ли, бэ_ бэл га_ зи за(й),
а_ ли(й) ўз тбл_ зь шў_ ўь са(й).

3 «Верба кисьтыр»⁶

$\bullet = 82$

1. Ве_ р_ ба ки_ сьтыр, ве_ р_ ба ки_ сьтыр,
а_ рись лы_ ктэм ма_ р(ы) ну_ нал.

4 «Нискылан сям» [11. № 3]

a $\bullet = 100$

1. Мис_кь_ л'а_ нь, ай, ча_ л'э_ лэ, ай, ча_ л'э_ лэ,
гу_ рэз' вьл_ ти ть_ гь_ л'а_ нь(й), ть_ гь_ л'а_ нь(й).

5 «Верба кисьтыр»⁷

g $\bullet = 91$

1. Ве_ р(ы)_ ба ки_ сь(е)_ ты_ р(ы), ве_ р(ы)_ ба ки_ сь(е)_ тыр,
а_ ри_ сь(ы)_ лы_ ктэ_ м(ы) Бу_ дзы_ ннал.

6 «Акашка сям» [Нуриева, № 25]

h $\bullet = 160$

1. Ар(ь)_ сьн но льк(ь)_ тэм ту_ ро_ го_ йэд(ь)
бу_ сь_ шор_ йо_ сар кьр(ь)_ за_ лоз.

7 «Возьмам но возьмам Быдзымналэз»⁸

$\bullet = 57$

1. Во зьмам но во зьмам Бы дзы мна лэз,

ту ннэ вы лэм со лэн ну на лэз.

8 «Акашка сям» [Нуриева, № 31]

$\bullet = 120$

1. Ой, па па кър за, па па кър за(й),

уд т'чи да но(й) па па кър(ь) зам ль(й).

9 «Возьмам но возьмам, ла, Будзымналэз»⁹

$\bullet = 60$

1. Во зьмам но(й) во зьмам, ла(й), Бу дзы мна лэз,

ту ннэ вы лэм, ла(й), со лэн но ну на лэз.

10 «Акашка сям» [Нуриева, № 45]

$\bullet = 80$

1. Пу к(ь) с'и мь ва лэн но, ай, д'зэс' йо саз,

ва с(ь) ки мь но(й) ма р(ь) зан ка р(ь) йо сэ(й) бон.

При всём безусловном мелодическом сходстве приведённых напевов идентичными они не являются. Фактором индивидуализации в данном случае оказывается их слогоритмическое решение.

Поэтические тексты календарных напевов, бытующих у удмуртов северо-западного Башкортостана, состояются из строк разного размера и делятся на короткослоговые и многослоговые (см. табл. 2).

Таблица 2

№ п/п	Название песни	Слоговая величина строк, составляющих песенную строфу
1	«Тулывсуиз, дэрануим» (пример 1)	8 –7 –8 –7
2	«Верба кисьтыр» (пример 3)	8 –7 –8 –8
3	«Верба кисьтыр» (пример 5)	8 –7 –10 –8
4	«Возьмам но возьмамбыдзынналэз» (пример 7)	9 –9 –9 –9
6	«Возьмам но возьмам, ай, быдзынналэз» (пример 9)	10 –11 –10 –11

Как правило, слогоритмическое оформление короткослоговых и многослоговых напевов имеет разную специфику; так происходит, например, в татарских традициях — у казанских татар, мишарей, кряшен. Календарные напевы закамских удмутов также не идентичны в долготном отношении:

«Тулывс вуйиз, дэра куйм» (пример 1)

1. Ту_ лывс вуй_ из, дэ_ ра куй_ им,
гу_ жа_ ты_ ны_ вб_ лды_ лйм.

«Верба кисьтыр» (пример 3)

1. Ве_ рба ки_ сьтыр, ве_ рба ки_ сьтыр,
а_ рись лы_ кгэм мар ну_ нал.

«Возьмам но возьмам Быдзынналэз» (пример 7)

1. Во_ зьмам но во_ зьмам Бы_ дзы_ мна_ лэз,
ту_ ннэ вы_ лэм со_ лэн ну_ на_ лэз.

«Возьмам но возьмам, ла, Быдзынналэз» (пример 9)

1. Во_ зьмам но во_ зьмам, ла, Бы_ дзы_ мна_ лэз,
ту_ ннэ вы_ лэм, ла, со_ лэн но ну_ на_ лэз.

Как можно увидеть из приведённых слогоритмических схем, представленные в напевах долготные формы легко делятся на два структурных типа — так называемые равносло-

вой (см. песни «Верба кисьтыр», «Возьмам но возьмам Быдзынналэз») и ямбический, определяемый повторением долготной ячейки 1: 2 (♩ ♪, см. песню «Тулывсуиз, дэрануим»); кроме того, среди них представлен и своего рода микстовый тип, сочетающий первые два в рамках одной слогоритмической последовательности («Возьмам но возьмам, ла, Быдзынналэз»). Выбор слогоритмического решения для напевов, однако, определяется не размером строк, а ... их ладовой формой! Действительно, напевы, в основе которых лежит большетерцовый трихорд или он же, расширенный до тетрахорда в квинте, оформлены по равнослововому принципу; напев с опорой на трихорд в кварте оформлен с участием ямбической формулы; наконец, напев, звукоряд которого объединяет большетерцовый трихорд и трихорд в кварте, объединяет в своем долготном решении и их слогоритмические формы. Трудно сказать, является ли это устойчивой закономерностью (в нашем распоряжении слишком мало материала для получения статистически выверенного результата), но корреляция между ладовзвукорядной и слогоритмическими решениями в календарных напевах просматривается явно. Данная закономерность более чем любопытна, до сих пор возможность её существования не обсуждалась и даже не предполагалась — не только по отношению к удмуртской песенной традиции, но и по отношению к какой бы то ни было песенной традиции вообще. Кстати, в песнях завятских удмуртов, насколько позволяет судить представленный в нотографических источниках материал, связь между ладовыми и ритмическими параметрами напевов не просматривается.

Ещё одна специфическая особенность ритмической организации календарных напевов завятских удмуртов — удивительная экономность слогоритмических решений. Сами по себе равнослоговые и ямбические долготные формы для удмуртской песенности чем-то исключительным не являются — в календарных напевах завятских удмуртов они фигурируют неоднократно. Важно то, что при этом они не являются единственными: наряду с ними бытует множество (множество!) принципиально иных долготных конфигураций. Приведём схемы некоторых из них:

«Акашка сям» [11. № 17]¹⁰

1. Бу_сь но шо_рад но(й) о_дй_гэн ть_нь(й),
тол_шор_тэк но(й) к'а_рээ но(й) уз_у_с'ь(й).

«Акашка сям» [11. № 46]

1. А_каш(ь)_ка л'к_тэ но са_гь_нь_са(й),
с'ур(ь)_ко пас'_ос_сэ но ди_с'а_са бо(й).

«Семьк сям» [11. № 61]

1. Воз' вь_льн с'ас'_ка но(й) к'ь_з'ь_зю_жа(й),
о_з'ь но(й) зю_жас'_ком а_чи_мэс.

Это — лишь некоторые примеры, демонстрирующие множественность структурных форм в напевах завятских удмуртов, их число без труда можно умножить. На этом фоне структурная однотипность календарных напевов удмуртов северо-запада Башкортостана кажется необычной и не может не вызывать вопроса об обуславливающих её причинах.

Попытка ответить на этот вопрос заставляет вспомнить о том интонационном контексте, в котором функционируют интересующие нас напевы. Специфика этого контекста определяется преобладающим в традиции материалом, преобладающим же в песенном комплексе закамских удмуртов, как уже было сказано, является материал заимствованный. Его харак-

теристика будет предложена ниже; пока лишь скажем, что равнослоговое долготное оформление напевов для него является устойчивой нормой. Можно предположить, что интонационные нормы иноэтнического материала, привнесённые в традицию закамских удмуртов вместе с заимствованными напевами, укоренились настолько, что взяли на себя функцию отбора этнических напевов — так, что иначе «устроенный» архаичный материал постепенно оказался вытесненным из обрядовой музыкально-поэтической практики. Безусловно, это не более, чем предположение, которое, учитывая число имеющихся в нашем распоряжении песенных образцов, пока и останется таковым.

Свадебный обряд закамских удмуртов является ещё одной культурной нишей, до сегодняшнего дня сохранившей песенную архаику. В нашем распоряжении находятся две свадебные песни, одна из них в двух вариантах. Песни поются с приуроченными поэтическими текстами, которые «привязывают» их к разным моментам свадебного обряда: первая исполняется поезжанами (стороной жениха, приехавшей за невестой), вторая представляет собой обращение невесты к матери. К сожалению, поэтические тексты свадебных песен не обладают той жанровой целостностью, которая отличает тексты песен календарных: приуроченные к свадебному ритуалу строфы чередуются со строфами гостевыми, что вполне понятно, учитывая гостевой песенный «репертуар», исполняемый во время свадебного пира.

Из двух напевов свадебных песен один («Аныкае, вордэмед») является поздним и заимствованным, второй («Кайто ке шуисько, б'ордэмез потэ») архаичным и этнически характерным. Знакомство с последним существенно нового в представлении о ладо-мелодических и слогоритмических особенностях обрядовых песен закамских удмуртов не приносит: в основе напева — уже знакомый большетерцовый трихорд *g — a — h*, усложнённый нижним прилегающим тоном *e*

(*e — g — a — h*); ритмическая форма напева представляет собой незначительную модификацию слогоритмической последовательности, фигурирующей в песне «Возьмам но возьмам ай быдзынналэз» (см. пример 9).

«Кайто ке шуисько, бёрдэмеэ потэ»¹¹

1. Ка_й_то ке шу_и_сько, бё_рдэ_меэ по_тэ, |

гуль ке шу_сько, се_ре_меэ по_тэ. |

А_слым ке лу_сал, ой, ну_ы_сал, |

Э_ке_мы_лэн ну_э_меэ по_тэ. |

Заемствованный компонент музыкально-поэтической традиции закамских удмуртов. Как уже говорилось, заимствованный материал в песенной традиции закамских удмуртов является преобладающим: длительное проживание за пределами коренной этнической территории, тесные контакты с другими народами, в первую очередь, с кряшенами¹², не могли не сказаться на культурных особенностях удмуртских переселенцев¹³. Сам по себе этот факт чем-то исключительным не является — в частности, связи с кряшенской песенностью отмечались при исследовании песенности прибельских мари — расселённых на северо-востоке Башкортостана мариийских переселенцев (см.: [16]). Исключительной в данном случае является интенсивность «внешних» влияний, позволяющая говорить едва ли не о тотальной тюркизации традиции закамских удмуртов (из 80 проанализированных напевов 72 являются татарскими!).

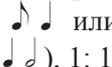
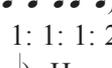
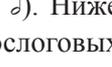
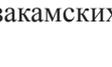
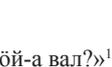
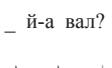
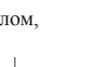
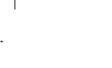
Интересно, что иноэтнические напевы закамские удмурты поют исключительно с удмуртским текстом; это момент специфичный — если вспомнить о том, что обычно в случае заимствования песни исполняются не только на родном языке, но и на языке «первоисточника» (как происходит, например, в традиции упомянутых прибельских мари).

Отличительной особенностью заимствованного песенного материала, бытующего в традиции удмуртов Башкортостана, является его стадияльная неоднородность. Так, отмечая прямые формы заимствований в культуре завятских удмуртов, И. М. Нуриева подчёркивает, что они являются результатом «относительно поздних контактов» — «миграции легче поддаются более поздние песни» [12. С. 134], «осваиваются поздние жанры — лирические, частушечно-плясовые мелодии; обрядовые песни, имеющие локальную специфику, замкнуты в своей системе» [12. С. 133]. По отношению к рассматриваемой традиции данное высказывание оказывается верным лишь отчасти.

Прежде всего, напомним, что «замкнутыми в своей системе» у закамских удмуртов оказываются лишь два обрядовых песенных комплекса — календарный и свадебный. Между тем обрядовая система удмуртских переселенцев является гораздо более многосоставной, и при этом все (все!) другие обряды, включающие в свою структуру песенный компонент (похоронно-поминальный, рекрутский, гостевой) «озвучиваются» с помощью заимствованного музыкального материала.

Последний оказывается различным с точки зрения стадияльной принадлежности (и это опять-таки должно быть отмечено как момент своеобразный, выделяющий рассматриваемую традицию из ряда других). В соответствии со стилиевыми признаками бытующие у закамских удмуртов татарские напевы разделяются на архаичные, представляющие этнически характерный пласт кряшенской песенности, и поздние, принадлежащие общетатарскому песенному пласту (его формирование датируют концом XIX — началом XX века и связывают с культурой казанских татар). Охарактеризуем каждый из названных стадияльно-стилевых типов.

Этнически характерных кряшенских напевов в песенной культуре закамских удмуртов укоренено относительно немного — в процессе экспедиционной работы их было зафиксировано чуть больше десятка (это всё же больше, чем собственно удмуртских напевов, которых,

напомним, зафиксировано в количестве шести образцов). Все этнические кряшенские напевы являются «длинными» — распеваются на многослоговой стих. Долготная конфигурация многослоговых строк разнообразна, при этом все долготные решения обнаруживают несомненное родство, обуславливаемое единым фондом «строительных материалов» — устойчивых слогоритмических ячеек, кочующих из напева в напев. Среди этих ячеек — слогоритмические последовательности 1: 2 (или), 2: 2 ( ), 1: 1: 2 (или), 1: 1: 2: 2 (или), 2: 2: 2: 2 ( ), 1: 1: 1: 1: 1: 1 (или), 1: 1: 1: 1: 2: 2 ( ), 1: 1: 1: 1: 1: 1: 2 (или). Ниже приводятся долготные схемы многослоговых кряшенских напевов, бытующих у закамских удмуртов.

«Вож бадяр, ой, кадь ик вож мугорыд ой-а вал?»¹⁵

1. Вож ба_дьяр, ой, кадь ик вож му_го_рыд о_й-а вал?

Бы_роз, дыр но, та_бе_ре събд суй у_лын си_сьмы_са.

«Бертом ке но шуиды, ми келялом»¹⁶

1. Бе_ртом ке но шу_и_ды, ми ке_ля_лом,

а_збар ка_пка_ё_сти но по_ты_тозь.

«Ваёбыжлэсь пиёссэ кутиды ке»¹⁷

1. Ва_ё_бы_жлэсь пи_ё_ссэ ку_тй_ды ке, ку_тй_ды ке,

во_жзэ бу_ен бу_я_са лэ_зы_лэ.

«Тынып но кўзяйын, ай, кўбо бадь»¹⁸

1. Ты_нып но кў_зя_йын, ай, кў_бо бадь:

со_е сю_лос лэ_сьтй_сьёс уань ме_да(у)?

О_ртчем но гў_мы_рез, кы_лем кэ_трез

во_ргтйсь ва_лэн су_тй_сьёс уань ме_да?

«Сур бадьян, сурьёс потоз»¹⁹

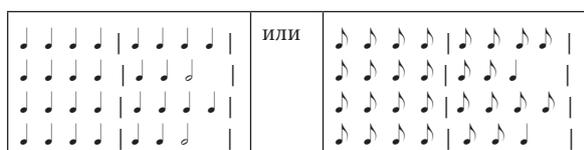

1. Сур ба_дй_ян, су_рьёс по_тоз,

зу_мшась ка_лык со_лы но шу_мпо_тоз.

Столь же типичны для интонационного строя кряшенской песенности — и, одновременно, отличны от интонационного строя песенности удмуртской — звуковысотные параметры «длинных» заимствованных напевов; их характеристика, однако, грозит увести в сторону от основного предмета нашего рассмотрения, а потому предприниматься не будет. Скажем лишь, что с точки зрения ладового строения усвоенные закамскими удмуртами кряшенские мелодии удивительно «согласованы» с архаичным удмуртским материалом: и те, и другие разворачиваются на основе одних и тех же звукорядов — *g* и *d*; правда, объём и стратегия освоения последних, равно как и конкретный мелодический рисунок в кряшенских и собственно удмуртских напевах, совершенно различны. Справедливости ради следует добавить, что лады *g* и *d* в напевах кряшен разных локально-территориальных групп являются востребованными и встречаются чаще других — так что о выборе или отсеивании иноэтнических напевов в соответствии с удмуртскими интонационными стандартами в данном случае речь не идёт.

Напевы, представляющие поздний общетатарский песенный пласт, в традиции закамских удмуртов являются безусловно преобладающими: с учётом вариантов на них распевается 48 из 80 проанализированных образцов. Интересно, что в некоторых случаях общетатарские напевы заимствуются вместе с соответствующим жанровым обозначением: так, закамские

удмурты в определённых случаях устойчиво пользуются термином *урам куй* (с татарского *урам көй* — уличный напев).

Все заимствованные общетатарские напевы представляют один короткослоговой (или, как его принято называть, короткий) структурный тип (в соответствии с аутентичной татарской терминологией — *кыска көй*), в котором песенная строфа, составленная из 8–7-словых строк, распевается на стандартную слогоритмическую схему.

Такая приверженность одному структурному типу не может не обратить на себя внимание: дело в том, что в татарских традициях поздний песенный пласт наряду с короткими включает в себя и длинные, многослоговые напевы — среди них, например, такие популярные, как «Зэнгэр шэл», «Сарман» и многие другие. Создаётся впечатление, что в традиции закамских удмуртов заимствованные напевы поделили между собой «сферы влияния»: многослоговые поэтические тексты распеваются по-кряшенски, короткие поэтические песни озвучиваются с помощью поздних напевов общетатарского распространения. Данная особенность любопытна и неординарна; её можно рассматривать как ещё одну специфическую черту, выделяющую песенный комплекс закамских удмуртов в ряду других.

Интонационные воплощения короткослогового структурного типа в рамках общетатарского песенного пласта предполагают различные решения; многообразны они и у закамских удмуртов. Так, в их традиции бытуют *авыл көйләр* — деревенские напевы, неторопливо разворачивающиеся, с их трудно поддающейся словесным определениям, но легко улавливаемой на слух стилевой спецификой, богатые «татарскими» затейливыми слогораспевами (заметим, что вообще орнаментика для закам-

ских удмуртов не типична совершенно — в данном случае в процессе заимствования напевы не потеряли ни одно из своих качеств). Несколько реже встречаются короткие напевы умеренного темпа (их принято нотировать, используя в качестве счётной единицы четвертную длительность), не вписывающиеся в стилевые стандарты *авыл көйләр*; в татарских традициях они, как правило, берут на себя функцию неприуроченной лирики (названное жанровое амплуа допускает их использование в качестве *урам көйләр* — уличных напевов). Популярны у закамских удмуртов *кыска көйләр*, исполняемые в подвижном темпе (их нотировать, отмеряя время восьмой длительностью), лёгкие, с минимальным количеством слогораспевов, в татарском «первоисточнике» изменчивые и многоликие с точки зрения жанровых возможностей. Наконец, назовём типично игровую форму *кыска көй* с характерным для неё темповым сдвигом в припеве или второй половине строфы, достигаемым укорочением вдвое основной единицы движения.

Попад в условия иноэтнической культуры и сохранив при этом свои интонационные характеристики, татарские напевы — и многослоговые, и короткие — должны были найти свою нишу в сложившейся системе песенных жанров. В данном отношении у закамских удмуртов сложились свои стереотипы, не всегда совпадающие со стереотипами кряшенской традиции. Так, многослоговые кряшенские напевы оказались востребованными в условиях гостевого, похоронно-поминального обрядов и песенной лирики. Обратим внимание на то, что в бытующих сегодня кряшенских традициях приуроченные похоронно-поминальные песни отсутствуют²⁰; в традиции закамских удмуртов, напротив, проведение похоронно-поминального обряда требует активного участия песенного компонента, функцию которого и берут на себя «длинные» заимствованные напевы. Следует обратить внимание и на фигурирование многослоговых кряшенских напевов в гостевой функции: им здесь отдаётся явное предпочтение перед напевами короткими.

Короткие напевы общетатарского песенного слоя в традиции закамских удмуртов в целом ведут себя в соответствии с нормами, определившимися для них в татарских традициях: они популярны и проникают во все жанровые ниши. Здесь, однако, также не обошлось без неожиданностей: *авыл көйләр* — деревенские напевы, в песенных комплексах татар всех этнических групп функционирующие в функции лирических, у закамских удмуртов оказались востребованы ещё и в условиях обряда проводов солдата. Случайностью такое непопадание в жанр «первоисточника» не является: *авыл көйләр*, фигурирующие в качестве напева рекрутской песни, бытуют в разных удмуртских селениях северо-западного Башкортостана.

Формульных напевов, столь свойственных песенности удмуртов, расселённых в границах своей коренной территории²¹, в традиции закамских удмуртов зафиксировано не было.

Примечания

- ¹ Среди зафиксированных календарных песен лишь одна (масленичная) исполняется на татарский напев.
- ² Отметим, что в образцах календарной песенности, зафиксированных у завятских удмуртов, приуроченные строфы, как правило, соседствуют со строфами неприуроченными: «...закреплёнными [приуроченными. — Е. С.] текстами *начинаются* песни большинства обрядов. В остальных случаях исполнители подбирают слова, либо соотносимые с контекстом, либо нейтральные по содержанию» [11. С. 7. Курсив мой. — Е. С.]. Так же точно сегодня обстоит дело в иных традициях, например, кряшенских, где приуроченные строфы календарных песен соседствуют со строфами лирическими, гостевыми и пр. — т. е. не имеющими никакого отношения к календарному обряду.
- ³ Анализ звуковысотного строя напевов осуществляется в соотнесении с конвенциональной пентатонной звукорядной шкалой; это делает более наглядными как ладомелодические соответствия, так и различия, возникающие между различными образцами. Под конвенциональным пентатонным звукорядом (понятие предложено М. Кондратьевым — см.: [6. С. 17–20]) понимается применяемая для аналитических целей звукорядная шкала условной абсолютной высоты, открытая вверх и вниз: «... $G - A - H - d - e - g - a - h - d' - e' - g' - a' - h' - d^2 - e^2 - g^2 \dots$ » [Там же. С. 18]. В условия конвенциональной пентатонной шкалы транспонированы и напевы, приводимые в предлагаемых ниже примерах; реальная высота напева при этом указана буквенным обозначением, фиксирующим положение конечной опоры.
- ⁴ В примерах и приводимых ниже слогоритмических схемах напевов повторяющиеся мелостроки не приводятся.
- ⁵ Зап. в сентябре 2017 года в д. Старый Кызыл-Яр Татышлинского района Республики Башкортостан от Харисовой Нины Батретдиновны, 1940 г. р., Гильмияровой Раиды Гайнаншиновны, 1948 г. р., Зариповой Лидии Ивановны, 1951 г. р., Абкадировой Василисы Хасанзияновны, 1961 г. р., Хазимардановой Фирузы Гафуровны,

- 1958 г. р., Шуфаевой Кафии Ибраевны, 1944 г. р.
- ⁶ Зап. в сентябре 2017 года в д. Старый Кызыл-Яр Татышлинского района Республики Башкортостан от Харисовой Нины Батретдиновны, 1940 г. р., Гильмияровой Раиды Гайнаншиновны, 1948 г. р., Зариповой Лидии Ивановны, 1951 г. р., Абкадировой Василы Хасанзияновны, 1961 г. р., Хазимардановой Фирузы Гафуровны, 1958 г. р., Шуфаевой Кафии Ибраевны, 1944 г. р.
- ⁷ Зап. в сентябре 2017 года в с. Новые Татышлы Татышлинского района Республики Башкортостан от Николаевой Шарзии Нигамадзяновны, 1934 г. р.
- ⁸ Зап. в июле 2018 года в с. Шудек Янаульского района Республики Башкортостан от Гараевой Раисы Мингареевны, 1948 г. р., Уразметовой Нины Садиевны, 1953 г. р., Байдуллиной Лидии Галимовны, 1953 г. р., Кунакбаевой Зины Степановны, 1941 г. р.
- ⁹ Зап. в сентябре 2017 года в д. Вязовка Татышлинского района Республики Башкортостан от Мардановой Мелодии Шакировны, 1940 г. р.
- ¹⁰ В слогоритмических схемах напевов сохранена редакция автора нотации.
- ¹¹ Зап. в июле 2018 года в с. Шудек Янаульского района Республики Башкортостан от Гараевой Раисы Мингареевны, 1948 г. р., Уразметовой Нины Садиевны, 1953 г. р., Байдуллиной Лидии Галимовны, 1953 г. р., Кунакбаевой Зины Степановны, 1941 г. р.
- ¹² Так, в Татышлинском районе согласно Всероссийской переписи населения 2010 года татарский язык является родным для 62,8 % населения (см.: [10]).
- ¹³ Тюркские влияния исследователи отмечают во многих особенностях материальной и духовной культуры удмуртов Башкортостана — в планировке усадьбы, в особенностях жилища, в отдельных элементах и деталях одежды, в заимствовании блюд башкирской и татарской кухни, в языке (его морфологическом, фонетическом строе, изобилии в нём тюркских заимствований).
- ¹⁴ Различия долготных воплощений модели 1: 2, так же, как и ряда других, обусловлены различиями в выборе счётной единицы при нотации напева.
- ¹⁵ Зап. в сентябре 2017 года в с. Новые Татышлы Татышлинского района Республики Башкортостан от Николаевой Шарзии Нигамадзяновны, 1934 г. р.
- ¹⁶ Зап. в июле 2018 года в с. Шудек Янаульского района Республики Башкортостан от Гараевой Раисы Мингареевны, 1948 г. р., Уразметовой Нины Садиевны, 1953 г. р., Байдуллиной Лидии Галимовны, 1953 г. р., Кунакбаевой Зины Степановны, 1941 г. р.
- ¹⁷ Зап. в сентябре 2017 года в д. Старый Кызыл-Яр Татышлинского района Республики Башкортостан от Харисовой Нины Батретдиновны, 1940 г. р., Гильмияровой Раиды Гайнаншиновны, 1948 г. р., Зариповой Лидии Ивановны, 1951 г. р., Абкадировой Василы Хасанзияновны, 1961 г. р., Хазимардановой Фирузы Гафуровны, 1958 г. р., Шуфаевой Кафии Ибраевны, 1944 г. р.
- ¹⁸ Зап. в сентябре 2017 года в д. Вязовка Татышлинского района Республики Башкортостан от Мардановой Мелодии Шакировны, 1940 г. р.
- ¹⁹ Зап. в сентябре 2017 года в д. Алга Татышлинского района Республики Башкортостан от Байдуллиной Фарзаны Зиятдиновны, 1952 г. р., Губаевой Шамсибанат Саматовны, 1947 г. р.
- ²⁰ Данный вывод сделан на основе обширного круга существующих на сегодняшний день нотографических источников. В их числе, однако, отсутствуют работы, представляющие локальные традиции кряшен северо-запада Башкирии. Возможно, экспедиционные выезды в места их расселения внесут коррективы в предложенное утверждение.
- ²¹ «Специфика жанровой системы удмуртской обрядовой музыки в целом заключается в ограниченном количестве напевов при относительно развитой системе семейно-родовых и календарных жанров, вследствие чего некоторые напевы... могут исполняться в различных... обрядовых ситуациях» [12. С. 8].

Список литературы

References

1. Асфандияров А. З. История сёл и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. — Уфа: Китап, 2009. — 744 с. [Asfandijarov A. Z. Istorija sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij. — Ufa: Kitap, 2009. — 744 s.]
2. Атаманов М. Г. Из истории формирования закамской группы южных удмуртов // Вордском кыл. — 2003. — № 10. — С. 90–94; 2004. — № 1. — С. 79–90 [Atamanov M. G. Iz istorii formirovanija zakamskoj grupy juzhnyh udmurtov // Vordskem kyl. — 2003. — № 10. — S. 90–94; 2004. — № 1. — S. 79–90].
3. Владыкин В. Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов // Записки Удмуртского научно-исследовательского института. — Ижевск, 1970. — Вып. 22. — С. 141–162 [Vladykin V. E. K voprosu o dohristianskih verovanijah udmurtov // Zapiski Udmurtskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. — Izhevsk, 1970. — Vyp. 22. — S. 141–162].
4. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. — Ижевск: Удмуртия, 1994. — 383 с. [Vladykin V. E. Religiozno-mifologičeskaja kartina mira udmurtov. — Izhevsk: Udmurtija, 1994. — 383 s.]
5. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Краткий историографический очерк с библиографией. — Ижевск: Удмуртия, 1984. — 141 с. [Vladykin V. E., Hristoljubova L. S. Istorija jetnografii udmurtov. Kratkij istoriografičeskij ocherk s bibliografiej. — Izhevsk: Udmurtija, 1984. — 141 s.]
6. Кондратьев М. Г. Звукоряды пентатоники: введение в ладовый анализ чувашской народной песни // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории / ЧГИГН. — Чебоксары, 2001. — Вып. 4. — С. 14–41 [Kondrat'ev M. G. Zvukorjady pentatoniki: vvedenie v ladovyj analiz chuvashskoj narodnoj pesni // Chuvashskoe iskusstvo. Voprosy teorii i istorii / ChGIGN. — Cheboksary, 2001. — Vyp. 4. — S. 14–41].
7. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. — Ижевск: УУИЯЛ, 2000. — 163 с. [Minnijahmetova T. G. Kalendarnye obrjady zakamskih udmurtov. — Izhevsk: UUIJaL, 2000. — 163 s.]
8. Миннихметова Т. Г. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. — Tartu: Tartu University Press, 2003. — 260 с. [Minnijahmetova T. G. Tradicionnye obrjady zakamskih udmurtov: Struktura. Semantika. Fol'klor. — Tartu: Tartu University Press, 2003. — 260 s.]
9. Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка. — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1972. — 22 с. [Nasibullin R. Sh. Zakamskie govory udmurtskogo jazyka. — Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1972. — 22 s.]
10. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сб. — Ч. II. — Уфа, 2013. — 189 с. [Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. Statističeskij sb. — Ch. II. — Ufa, 2013. — 189 s.]
11. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. — Ижевск: УИИЛ УрО РАН, 1995. — Вып. 1. — 232 с. [Nurieva I. M. Pesni zavjatskih udmurtov. — Izhevsk: UIIL UrO RAN, 1995. — Vyp. 1. — 232 s.]
12. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. — Ижевск: УИИЛ УрО РАН, 1999. — 334 с. [Nurieva I. M. Muzyka v obrjadovoj kul'ture zavjatskih udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myshlenija. — Izhevsk: UIIL UrO RAN, 1999. — 334 s.]
13. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. — Вып. 2. — 332 с. [Nurieva I. M. Pesni zavjatskih udmurtov. — Izhevsk: UIIJaL UrO RAN, 2004. — Vyp. 2. — 332 s.]
14. Нуриева И. М. Закамские удмурты: традиция парадоксов (этномузыковедческий этюд) / Этнографическое обозрение. — 2013. — № 6. — С. 150–158 [Nurieva I. M. Zakamskie udmurty: tradicija paradoksov (jetnomuzykovedčeskij jetjud) / Jetnografičeskoe obozrenie. — 2013. — № 6. — S. 150–158].
15. Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). — Уфа: Центр этнологических

- исследований УНЦ РАН, 2008. — 232 с.
[Sadikov R. R. Tradicionnye religioznye verovanija i obrjadnost' zakamskih udmurtov (istorija i sovremennye tendencii razvitija). — Ufa: Centr jetnologicheskikh issledovanij UNC RAN, 2008. — 232 s.].
16. Смирнова Е. М., Лукианова Н. Н. Песенная традиция прибельских мари: к проблеме интонационного генезиса // Музыка: искусство, наука, практика: Науч. журнал Казан. гос. консерватории. — 2020. — № 1 (29). — С. 59–73 [Smirnova E. M., Lukianova N. N. Pesennaja tradicija pribel'skih mari: k probleme intonacionnogo genezisa // Muzyka: iskusstvo, nauka, praktika: Nauch. zhurnal Kazan. gos. konservatorii. — 2020. — № 1 (29). — S. 59–73].